

УДК 343.9.02:502(47)
ББК 67.512.4(2Рос)

О.Л. Дубовик,
доктор юридических наук, профессор

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И СВЯЗИ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ, КОРРУПЦИОННОЙ И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В статье характеризуется динамика состояния и структуры экологической преступности в Российской Федерации. Автор анализирует эколого-криминологическую ситуацию в различных сферах охраны экологически значимых объектов, наиболее очевидные последствия экологической преступности, новые угрозы, которые связаны с усилением влияния организованной и коррупционной преступности, а также другие факторы, детерминирующие экологическую преступность.

Ключевые слова: экологическая преступность; нарушения экологического законодательства; природоохранная деятельность; незаконная охота; природные ресурсы.

O.L. Dubovik,
Doctor of Law, Professor

ENVIRONMENTAL CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONDITION, TRENDS AND THEIR TRANSNATIONAL, CORRUPTION AND ORGANIZED CRIME LINKS

The paper characterizes the dynamics of environmental crimes' condition and structure in the Russian Federation. The author analyzes the following: the eco-criminological situation in various spheres of protecting environmentally sensitive objects; most obvious consequences of environmental crimes; new threats connected with the growing influence of organized and corruption crimes as well as other factors that determine environmental crimes.

Key words: environmental crimes; violations of environmental legislation; nature protection activities; illegal hunting; natural resources.

Постановка проблемы. Экологическая преступность и меры по ее преодолению постоянно привлекают внимание российских специалистов [11; 18; 24]. Это вызвано рядом обстоятельств:

- приростом экологической преступности (показатели зарегистрированных экологических преступлений, предусмотренных гл. 26 УК РФ, опережают рост преступности в целом);

- особенностями структуры экологических преступлений, которые по-прежнему свидетельствуют о преобладании регистрации посягательств на водные биоресурсы, объекты животного мира, лесные ресурсы (ст. 256, 258, 260 УК РФ), при сохраняющемся низком уровне (а следовательно, высокой латентности) регистрации посягательств на качество вод, атмосферного воздуха и т. п.;

- недостаточностью и недостоверностью информации о реальном положении дел в этом, столь важном для общества, государства и граждан, сегменте жизнедеятельности (статистика в действительности отражает не реальное состояние экологической преступности, а лишь – в большинстве случаев – активность деятельности природоохранных и правоохранительных органов);

- увеличением потенциальной и реальной опасности экологических и экогенных видов вреда* (при этом одновременно растущие показатели числа экологических преступлений показывают (хотя и косвенно) рост их доли, а также увеличение общественной опасности подобных деяний и отражают реакцию государства – в лице прокуратуры

* О понятиях экологического и экогенного вреда подробнее см. авторефераты диссертаций [12; 15; 19].

(в том числе специальных природоохранных прокуратур), МВД РФ, судов – на угрозы экологической безопасности России и ее населения);

– новыми инициативами международного сообщества и региональных объединений государств, в первую очередь Европейского Союза, касающимися усиления борьбы с экологической преступностью, например, Директивы Европейского Парламента и Совета от 19 ноября 2008 г. «Об охране окружающей среды уголовным правом» [4]*.

В подтверждение этого приведем данные зарегистрированных экологических преступлений по стране в целом и в отдельных ее регионах (табл. 1).

Таблица 1

Количество зарегистрированных экологических преступлений в Российской Федерации (статистика прокуратуры)

Год	Количество преступлений	Прирост, %
1997	6971	-
1998	8773	123,8
1999	12413	178,1
2000	14818	212,6
2001	17128	245,7
2002	21429	307,4
2003	26096	374,4
2004	30573	438,6
2005	33491	480,4
2006	41883	600,8
2007	41242	591,6
2008	44883	643,8

Изучение официальных статистических данных, отчетных материалов природоохранных органов, СМИ и деятельности региональных неправительственных организаций выявило существенные различия в характеристиках (состоянии, структуре, динамике и т. п.) экологической преступности разных регионов России, причинах и условиях, способствующих совершению экологических преступлений.

Для начала приведем ряд обобщенных сведений по федеральным округам (табл. 2).

Приведенные данные свидетельствуют не столько о реальной распространенности экологических преступлений в отдельных регионах России, сколько об активности прокуратуры в субъектах Российской Федерации, а также о влиянии различных конфликтов, в том числе межнациональных и военных, на состояние борьбы с экологическими преступлениями. Например, в Республике Северная Осетия–Алания за период 2003–2007 гг. было зарегистрировано, соответственно, 2, 4, 15, 19 и 10 экологических преступлений, в Республике Ингушетия, соответственно, – 1, 0, 2, 4, 1 преступление.

Столь же показательна практика таких похожих по природным условиям, структуре народного хозяйства, занятости населения и т. п. характеристикам регионов, как Краснодарский и Ставропольский края. Если в Краснодарском крае за период 2003–2007 гг. было зарегистрировано соответственно 1018, 1306, 1318, 1619, 1241 экологическое преступление, то в Ставропольском крае – лишь 13, 14, 13, 27, 174.

Таблица 2

Динамика экологических преступлений, зарегистрированных в федеральных округах

Федеральный округ	Год				
	2003	2004	2005	2006	2007
Центральный	3340	3922	3893	4066	4166
Северо-Западный	3112	3121	2755	3177	3926
Южный	7003	8121	8348	10050	9399
Приволжский	2946	3929	4934	6435	6392
Уральский	1582	2571	2637	3820	2849
Сибирский	4975	5316	6504	8286	8619
Дальневосточный	1934	1950	2459	3423	3295
Всего по России	26096	30573	33491	41883	41242

* О содержании положений указанной Директивы подробнее см. [8; 9].

Стабильный рост экологической преступности отмечается в Центральном округе. Здесь за пятилетний период количество зарегистрированных преступлений по сравнению с исходным 2003 г. возросло: на 11,7 % – в 2004 г., на 11,6 % – в 2005 г., на 12,2 % – в 2006 г., на 12,5 % – в 2007 г.

В Северо-Западном округе в 2005 г. было отмечено снижение числа зарегистрированных экологических преступлений, но в 2007 г. произошел резкий рост. Колебания выглядят следующим образом: по сравнению с 2003 г. в 2004 г. рост очень незначительный – на 1 %; в 2005 г. – спад на 8,85 %, в 2006 г. приближение к уровню 2003-2004 гг. – рост составил 10,2 %, а в 2007 г. уже 12,6 %.

В Южном округе складывается иная ситуация: с 2003 по 2006 г. наблюдается значительный рост числа зарегистрированных экологических преступлений, соответственно, по отношению к 2003 г. на 11,6 % в 2004 г., на 11,9 % в 2005 г. и на 14,4 % в 2006 г. Но в 2007 г. зафиксировано снижение на 9,3 % по сравнению с 2006 г., хотя по отношению к 2003 г. рост составил 13,4 %. Отметим, что в этом федеральном округе наблюдаются наиболее высокие показатели зарегистрированной экологической преступности.

Приволжский округ, как и Центральный, характеризуется стабильным ростом числа зарегистрированных экологических преступлений, хотя темпы прироста здесь выше. Так, в 2004 г. наблюдалось увеличение на 13,3 %, в 2005 г. – на 16,7 %, в 2006 г. – на 21,8 %. Однако в 2007 г. отмечается небольшое снижение по сравнению с 2006 г., хотя в отношении базового – 2003 г. – тенденция роста сохраняется: 21,7 %.

Частично приведенный выше анализ может быть дополнен информацией о соотношениях выявленных прокурорами нарушений экологического законодательства в тех субъектах Российской Федерации, где действуют специализированные природоохранные прокуратуры, и там, где таковые отсутствуют [3].

В субъектах Российской Федерации, имеющих в своем составе природоохранные прокуратуры, количество вскрытых прокурорами нарушений намного больше.

На каждого из 35 субъектов Российской Федерации, где действуют специализированные природоохранные прокуратуры, в среднем приходится 957,6 (2003 г.), 1226,5 (2004 г.), 1825,7 (2005 г.), 3070,9 (2006 г.), 3525,7 (2007 г.) экологических преступлений. В расчеты не включены данные по Волжской природоохранной прокуратуре, чья деятельность распространяется на ряд субъектов Федерации, расположенных в бассейне реки Волги. Но заметим, что средний показатель в этих 35 субъектах Федерации характеризуется значительным ростом: от 957,6 экологических преступлений в 2003 г. до 3525,7 – в 2007 г. Если сравнить динамику зарегистрированных преступлений по данному показателю, приняв 2003 г. за базовый, то по 35 субъектам Российской Федерации она выглядит следующим образом: 100 % – 128,1 – 190,6 – 320,7 – 368,2 %. По Волжской прокуратуре это соотношение таково: 100 % – 98,5 – 106,4 – 116,3 – 128,3 %. Таким образом, суммарно регистрация экологических преступлений в субъектах Федерации, где действуют природоохранные прокуратуры, существенно выше, чем, например, показатели такой

Таблица 3

Динамика удельного веса экологической преступности, %

Федеральный округ	Год				
	2003	2004	2005	2006	2007
Центральный	12,7	12,8	11,6	9,7	10,0
Северо-Западный	11,9	10,2	8,2	7,5	9,5
Южный	26,8	26,5	24,9	24,0	22,8
Приволжский	11,2	12,8	14,7	15,3	15,4
Уральский	6,0	8,4	7,8	9,1	6,9
Сибирский	19,0	17,3	19,4	19,7	20,8
Дальневосточный	7,4	6,3	7,3	8,1	7,9
Всего по России	95,0	94,3	93,9	93,4	93,3

известной в области охраны окружающей среды прокуратуры, как Волжская природоохранная прокуратура. Возможны два объяснения: либо волжские прокуроры наладили эффективную профилактическую работу и эти показатели отражают данное направление их деятельности с учетом многолетних усилий по искоренению экологических правонарушений в бассейне великой русской реки, либо в перечисленных 35 субъектах Федерации началась активная борьба с экологической преступностью. В любом случае оба объяснения свидетельствуют о позитивных тенденциях в правоприменительной практике.

Иная картина складывается в регионах России, где нет специализированных природоохранных прокуратур. Таких регионов в настоящее время 56. В среднем на один субъект Российской Федерации приходится 416,5 преступлений (2003 г.), 487,1 (2004 г.), 762,8 (2005 г.), 1281,2 (2006 г.), 1550,9 (2007 г.). Соответственно, разрыв по данному показателю в субъектах Федерации, где действуют специализированные природоохранные прокуратуры и где таковые отсутствуют, составляет в 2003 г. – 2,3 раза, в 2004 г. – 2,5 раза, в 2005 г. – 2,5 раза, в 2006 г. – 2,4 раза, в 2007 г. – 2,3 раза. И хотя в указанных 56 регионах этот показатель растет (в 2007 г. по сравнению с 2003 г. – на 37,2 %), разрыв разителен.

Приведенные данные служат одним из весомых аргументов в пользу дальнейшего развития в сфере природоохранной деятельности. При этом устойчивость тенденции роста числа выявленных правонарушений экологического законодательства характерна для всех субъектов Российской Федерации. Так, в Республике Башкортостан за последние пять лет число выявленных прокурорами нарушений выросло в 4,5 раза (2003 г. – 2043, 2007 г. – 9453), в Краснодарском крае – в 3,5 раза (2451 и 8595 соответственно), Красноярском крае – в 2,1 раза (3350 и 6767), Хабаровском крае – в 4,7 раза (1148 и 5442), Кемеровской области – в 4,2 раза (1751 и 7369) и др. В 2003 г. число вскрытых прокурорами нарушений в субъектах Федерации, имеющих в своем составе природоохранные прокуратуры, было в 2,4 раза больше, нежели в тех субъектах Федерации, в которых отсутствуют природоохранные прокуратуры (55 935 и 23 325), в 2004 г. – также в 2,4 раза

больше в первом случае, нежели во втором (65 004 и 27 277), в 2005 г. – в 2,1 раза больше (87 751 и 42 712), в 2006 г. – в 1,9 раза (133 563 и 71 746), а в 2007 г. – в 1,8 раза (152 177 и 86 850). При этом особо следует отметить позитивный момент, связанный с ростом числа выявленных правонарушений в экологической сфере в таких регионах, как Чеченская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Северная Осетия – Алания, который свидетельствует о значимости данного вопроса.

Естественно, наиболее высокие показатели у Волжской природоохранной прокуратуры – единственной, организованной по бассейновому принципу, т. е. межрегиональной и имеющей в своем составе 15 межрегиональных природоохранных прокуратур, действующих в Тверской, Ивановской, Костромской и других областях бассейна реки Волги [3, с. 378].

Остановимся подробнее на региональной характеристике структуры отдельных видов экологических преступлений*, в первую очередь наиболее распространенных (табл. 4).

На основе даже этих данных можно сделать вывод о том, что криминогенная ситуация в области охраны животного мира в России была и остается неблагоприятной. Она характеризовалась и характеризуется чрезмерной эксплуатацией этого природного ресурса; сокращением и видового разнообразия, и количества отдельных видов; потребительским отношением к диким животным, находящимся в состоянии естественной свободы; возрастающими масштабами добычи животных для производства фармацевтических препаратов, сувениров, получения мяса и шкур, в том числе для продажи в зарубежные страны (Китай, Корея, страны ЕС и др.) или для внутреннего потребления; вандалистскими посягательствами, зачастую носящими коррупционный характер, и т. п.

Незаконная охота вносит более чем существенный вклад в снижение биоразнообразия (путем уничтожения редких и исчезающих видов животных, нарушения естественного природного баланса репродуктивных

* Она воспроизведена по данным, опубликованным в таблице 5.5 из Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2007 г.». Пересчет этих данных показал, что цифры, приведенные в докладе, изобилуют грубыми погрешностями.

Таблица 4

Динамика удельного веса наиболее распространенных экологических преступлений, %

Федеральный округ	Год				
	2003	2004	2005	2006	2007
Незаконная добыча водных биоресурсов (ст. 256 УК РФ)					
Центральный	5,2	5,98	6,0	5,7	5,7
Северо-Западный	2,2	2,1	2,1	2,2	1,4
Южный	64,3	60,0	57,4	54,2	55,2
Приволжский	9,4	14,0	13,6	15,2	14,9
Уральский	2,6	2,6	3,2	3,9	4,3
Сибирский	8,0	6,8	7,7	6,4	7,3
Дальневосточный	8,1	7,6	9,7	12,2	10,9
Незаконная охота (ст. 258 УК РФ)					
Центральный	21,2	25,8	23,5	24,5	29,6
Северо-Западный	7,1	13,0	7,7	7,2	8,5
Южный	3,9	7,8	5,1	4,5	4,2
Приволжский	28,9	5,9	30,2	2,7	33,2
Уральский	14,4	18,5	13,3	14,2	27,3
Сибирский	17,8	19,8	14,5	17,1	19,8
Дальневосточный	6,3	8,1	5,4	5,1	6,7
Незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ)					
Центральный	21,4	21,1	18,6	15,7	14,7
Северо-Западный	23,2	19,5	15,58	14,3	18,8
Южный	4,8	3,8	3,9	4,3	3,3
Приволжский	14,4	19,1	18,5	18,6	19,0
Уральский	8,3	7,4	9,3	9,0	8,1
Сибирский	20,6	22,7	27,7	31,0	28,6
Дальневосточный	7,0	6,0	6,0	6,8	7,3

функций, видового соотношения и др.). Это с формальной точки зрения ставит Россию в положение государства, не выполняющего взятые на себя обязательства по международным соглашениям. С фактической точки зрения это приводит к уменьшению биологических (и генетических) ресурсов Планеты. Кроме того, незаконная охота (как, впрочем, и легальная) вызывает среди многих социальных групп негативное отношение к управленческим (и контролирующим) структурам, к праву и закону, если таковые не предпринимают соответствующих мер. Особо негативно общество и природа реагируют на участившиеся случаи добычи и перепродажи животных и продукции из них в зарубежные страны и варварские акции высокопоставленных чиновников (охота на архаров).

Незаконная рубка лесных насаждений и иных объектов растительного мира статистически в региональном разрезе не отражает ни реального положения дел, ни опасности данного деяния с экологической и экономичес-

кой позиций. Анализ данных свидетельствует о том, что первые четыре места по количеству зарегистрированных рубок занимают, соответственно, Сибирский (26,1 % в среднем за рассмотренный период), Центральный и Северо-Западный федеральные округа (по 18,3 %), Приволжский федеральный округ (17,9 %). В роли аутсайдеров, но по разным причинам, выступают Уральский (8,4 %), Дальневосточный (7,3 %) и Южный федеральные округа (4,0 %).

При анализе этих данных приходится принимать во внимание ряд факторов: запасы леса, а также других зеленых насаждений в городах и иных населенных пунктах; площадь территории, покрытой лесами; объемы зеленых видов лесных ресурсов; близость границ, т. е. возможность их пересечения и доставки добытого иностранным заказчиком/потребителем; плотность населения; занятость населения; экономическую ориентированность региона (сельское хозяйство, лесопромышленность, нефте-, и

газодобывающая промышленность и т. п., иные виды производственной деятельности) и его экономико-финансовое благополучие (депрессивные, развивающиеся, развитые); соотношение городского и сельского («лесного») населения в совокупности с показателями количества городов (населения в них) и иных населенных пунктов (сел, деревень, поселков и проч.); активность иностранных фирм и компаний, их «укорененность» в бизнесе на территории Российской Федерации и связи с российскими компаниями, властными и правоохранительными структурами (коррупционная составляющая); результаты лесомониторинга; активность природоохранных неправительственных организаций и т. д.

Именно поэтому эколого-криминологическая ситуация в области охраны лесов, лесозащитных насаждений и зеленых насаждений в городах является очень сложной. Фиксируется рост числа посягательств; велик экологический и экономический ущерб; отдельные регионы не только не предпринимают мер по борьбе с лесным браконьерством, но их властные структуры используют природные богатства вверенных им территорий для личного обогащения; расширяется вовлеченность огромных масс населения в преступный бизнес по заготовке древесины, живицы, иных лесных ресурсов; снижаются – качественно и количественно – показатели биоразнообразия, что имеет не только национальное, но и глобальное эколого-экономическое значение; укореняются ощущения безнаказанности в случаях нарушения закона; имидж государства и его органов понижается.

Как известно, Россия обладает колоссальными природными богатствами. Поэтому она играет важную роль в сохранении биологического разнообразия (животный и растительный мир), охране климата (в том числе путем сохранения лесов), охране вод, что связано с их использованием в промышленности, судоходстве, обеспечением населения России и ряда сопредельных стран питьевой водой, в развитии экономики (добыча и поставка энергоносителей, дерева и иной лесной продукции, фармацевтического сырья), охране атмосферного воздуха путем предупреждения трансграничных переносов загрязняющих веществ и т. п.

В связи с этим опасность ущербов, причиняемых экологическими преступлениями окружающей среде и экономике России, имеет не только национальное значение, но и оказывает (может оказать) негативное воздействие на сохранение природы и экономику других стран, возможно, и в глобальном масштабе. Учитывая большое число охраняемых правом благ (объектов), весьма сложно выявить все возможные виды и тенденции причиняемого им экологического вреда. Тем не менее, даже разрозненные данные позволяют получить определенное представление об этом.

Наиболее очевидные последствия экологической преступности. Нарушения экологического законодательства причиняют огромный ущерб экономике России. Это выражается в недополучении доходов от добычи природных ресурсов в федеральный бюджет, бюджеты субъектов Российской Федерации, бюджеты местных органов власти; в неуплате налогов от незаконной деятельности по использованию объектов природы; в возрастании предпринимательских рисков, когда потенциальные инвесторы сталкиваются с наличием «грязных» технологий; высоким уровнем загрязнения окружающей среды в районе планируемой хозяйственной деятельности; несовершенством экологического аудита; отсутствием обязательного (или добровольного) экологического страхования, не говоря о необходимости «отката» природоохранным структурам и т. п.; в ухудшении имиджа России на международной арене, по крайней мере, в глазах эколого-дружественных стран, особенно тех, которые являются членами ЕС; в умалении экологических (закрепленных в ст. 42 Конституции РФ) прав человека на благоприятную окружающую среду и иных прав.

Новые угрозы. Особую тревогу в последнее время вызывает усиление связей экологической преступности с организованной и коррупционной преступностью, проявляющейся в росте доходов от незаконной торговли окружающей средой, в расширении сферы влияния организованных преступных групп при получении/выдачи лицензий на добычу и эксплуатацию природных ресурсов и т. п. [5; 6; 7].

В последние годы эти связи усиливаются и распространяются на новые области отно-

шений. Так, в конце 90-х годов XX в. и в начале XXI в. в России организованные преступные группировки действовали в основном в сфере незаконной добычи и сбыта редких и исчезающих видов животных и растений, водных биологических ресурсов, леса и лесоматериалов, минеральных ресурсов. При этом если раньше коррупционная составляющая для «прикрытия» незаконной деятельности или для неправомерного оформления документов (т. е. коррупционные связи) распространялась в большей степени на процессы выдачи и (или) получения лицензий, квот, уклонения от юридической ответственности и т. п., чем на непосредственную деятельность по неправомерному использованию природных ресурсов и воздействию на окружающую среду, то ныне ситуация меняется.

В частности, коррупция захватывает такую область, как использование и охрана земель, водных объектов, экспертиза промышленной безопасности. Иными становятся действия организованных преступных групп в отношении противоправной эксплуатации лесов: здесь они по механизмам приближаются к тем формам, которые раньше встречались в отношении противоправного использования недр. В области обращения с отходами также происходит дальнейшее «сращивание» коррумпированного управленческого аппарата с бизнес-структурами, занимающимися операциями по покупке (продаже) отходов, в том числе опасных, вторичных ресурсов, их ввозу в Россию и вывозу из страны.

При этом отнюдь не снижается ни количество, ни ущерб, причиняемый, если можно так выразиться, уже привычными формами экологического коррупционного и организованного преступного поведения. По-прежнему велики масштаб и доходы от незаконной торговли окружающей средой: размеры взяток (судя по сообщениям СМИ и опросам) за незаконную выдачу лицензий и разрешений на разведку и разработку полезных ископаемых, на добычу фармацевтического сырья, на заготовку древесины, на вылов водных биоресурсов имеют лишь одну тенденцию: они растут. И если ранее эти случаи носили разовый характер, то в последнее время такие коррупционные связи характеризуются особой устойчивостью, являются налаженными с расчетом на «длительную перспекти-

ву». Увольняются со своих должностей те, кто активно проявил себя в борьбе с экологической коррупцией. Происходит – под флагом улучшения экологического управления и государственного экологического контроля – перераспределение функций, подчиненности и полномочий контролирующих органов, что приводит к параличу и дезорганизации их работы. Возрастают объемы деятельности «интернациональных» организованных преступных групп.

Справочные сведения. Приведенную выше обобщенную характеристику связей экологической, коррупционной и организованной преступности новейшего времени можно проиллюстрировать на конкретных примерах. Наиболее яркий пример – заготовка древесины ценных пород в Дальневосточном регионе. В Приморье объем нелегального оборота древесины достигает 150 млн долларов в год по ценам внутреннего рынка, или 300 млн долларов по ценам внешнего рынка, что сопоставимо с годовым бюджетом всего края [17, с. 27].

За счет вовлечения в криминальную деятельность все новых слоев населения экологическая преступность не только растет количественно, но и меняется качественно. Развиваются ее наиболее опасные организованные формы, особенно в сфере землепользования, лесной и рыбохозяйственной отраслях. Например, за 2003 и 2004 гг. более чем в два раза выросло число преступлений, имеющих отношение к нарушению законодательства о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации (ст. 253 УК РФ). Эти преступления связаны в основном с незаконным строительством искусственных островов и сооружений и добычей без разрешительных документов различных полезных ископаемых на континентальном шельфе. По оперативным данным, в 2004 г. в производстве находилось около 100 материалов по данным преступлениям. С одной стороны, это связано с таким негативным явлением, как незаконный захват земель, а с другой – с активизацией борьбы с этим явлением со стороны Морской охраны Пограничной службы ФСБ России, которой теперь подследственны преступления данного вида.

По возбужденному в 2004 г. следственным отделом Волжской природоохранной

прокуратуры уголовному делу установлено, что членами организованной преступной группы на протяжении года неоднократно совершались незаконные рубки деревьев. В результате бездействия работников лесоохраны государству причинен ущерб в размере 8 млн руб. О масштабах нанесенного вреда работники лесхоза узнали только от следователя.

Много сложных негативных проявлений выявляется при характеристике ситуации с морскими биоресурсами. Например, граждане КНР на территории Дальнего Востока нередко занимаются противоправной деятельностью, связанной в большинстве своем с незаконной добычей и переработкой морских биоресурсов и продуктов животного-растительного происхождения. Вылов и браконьерство в больших количествах наносят экологический ущерб Приморскому краю.

Нелегальные мигранты и даже туристы из Китая стали серьезной проблемой не только для правоохранительных, но и природоохранных органов Дальнего Востока. Часть китайских гостей, как законных, так и незаконных, занимаются широкомасштабным браконьерством и незаконным вывозом российских природных ресурсов*. Эта проблема неоднократно обсуждалась на совещаниях с участием представителей ФСБ и руководителей органов внутренних дел субъектов ДВФО.

Среди преступлений, совершенных гражданами КНР, доля экологических составляет 4,1 %. Хотя она в данном случае не очень высока, но негативные последствия чрезвычайно велики: данная преступность, как подчеркивает Пан Дунмэй, обладает «большой жизненной опасностью и угрожает жизни человека» [21].

* В Приморье сотрудниками МВД была задержана партия трепанга весом в одну тонну; в поселке Пихтовое в рамках совместного рейда пограничников Южно-Сахалинского отряда, милиционеров и сотрудников паспортно-визовой службы задержаны 12 граждан Китая, которые находились в погранзоне и занимались незаконным выловом и переработкой трепанга; на обнаруженной базе, где проживали китайцы, было изъято 100 кг трепанга и 40 кг моллюска кукумарии; на участке заставы «Лагунная» Южно-Курильского пограничного отряда задержаны семь граждан России, у которых было изъято 415 кг трепанга; в результате хищнической деятельности подобных «туристов» на территории Приморского края фактически уничтожены популяции трепанга и двух видов лягушек [20].

Проведенный Е.Г. Клетневой анализ профессионализации экологической преступности показал, что «теневая экономика», ворочающая неконтролируемыми доходами, которые, в частности, используются для приобретения продуктов браконьерства, воздействуют на людей, имеющих отношение к рыбному, охотничьему, лесному и другим промыслам [14].

Изучение материалов уголовных дел выявило, что более 60 % злостных браконьеров, занимающихся ловом белуги, осетра, севрюги в течение относительно длительного времени на территории Астраханской области, имели постоянный контакт со скупщиками икры, действующими в этом же районе, или с постоянными покупателями. Часть браконьеров ориентировалась на случайных покупателей за пределами области и лишь незначительная доля занималась браконьерством для того, чтобы удовлетворить потребности своей семьи, родственников, друзей, знакомых [10, с. 154].

Расширение «рынка сбыта», в том числе благодаря экологической контрабанде, приводит к росту цен на добываемую продукцию. Это, в свою очередь, образует также ряд дополнительных детерминирующих условий. В незаконный промысел вовлекается все большее количество людей, расширяется их база.

Кроме того, продолжается «советская традиция вседозволенности» для крупных чиновников. Приведем пример такой «вседозволенности», потрясший российскую общественность в начале 2009 г.: 9 января вертолет Ми-8 компании «Газпромавиа» потерпел крушение на Алтае в районе горы Черная. Из 11 человек, находившихся в тот момент на борту вертолета, семеро погибли. Целью полета явилась браконьерская охота на горного барана архара, занесенного в Красную книгу. По информации из источников в правоохранительных органах, близких к расследованию, пассажиры вели стрельбу по животным прямо из вертолета [1]. Специалистам Всемирного фонда дикой природы, проводящим собственное расследование, стало известно, что жертвами браконьерской охоты стали не три архара (как это было официально заявлено), а 28, что составляет 15 % процентов мировой популяции этого вида животных [13].

Около 60 % зарегистрированных экологических преступлений совершается группами лиц [23, с. 138]. Создаются условия для подкупа должностных лиц, а это уже может повлечь и так называемое «законное» браконьерство, и вырубку леса. Например, рядом постановлений Правительства Республики Дагестан рыбоперерабатывающим предприятиям разрешалось закупать добытую рыбу у населения (считай – у браконьеров). Подобным способом в 1994 г. было закуплено 54 т осетровых рыб, в 1995 г. – 75 т, а в 1996 г. – 70; более того, предусмотренные местными нормативными актами объемы добычи рыбы превышали установленные Госкомприродой и Роскомрыболовством квоты. К тому же разрешался и прилов осетровых при добыче других видов рыб.

Не были установлены и необходимые правовые ограничения для получения лицензии на промышленную добычу осетровых хозяйствующими субъектами, в результате чего в 1993 г. более 60 юридических лиц, большинство из которых не имели какого-либо отношения к рыбной отрасли, получили лицензии на промышленную добычу 505,5 т осетровых на дагестанском побережье Каспия. К этому необходимо добавить и 25 лицензий, выданных на научно-исследовательские цели. Рядом нормативных актов Республики Дагестан и России были определены дополнительные лимиты на лов 100 т осетровых пород на дагестанском побережье моря, на основании которых в 1994–1995 гг. управлением «Запкасрыбвод» сверх установленных квот выдано разрешений на вылов 161 т осетровых и неограниченный прилов осетровых при добыче кильки и сельди, по которым лишь официально добыто 65,3 т осетровых видов рыб. За этот же период КГО «Дагрыбхоз» закуплено у населения 129 т осетровых без указания данных сдатчиков в накладных [2, с. 44–45]. И такая ситуация не только сохраняется, но и нарастает, несмотря на все запреты.

В настоящее время достаточно широко распространена практика сведения лесов под хозяйственные и коммерческие объекты (здания и сооружения, линейные объекты, карьеры и т. д.) на основе решений руководителей местной либо региональной власти без оформления необходимых разрешительных документов либо вообще без чьих-либо

разрешений. В большинстве случаев виновные не несут никакой ответственности, разрешительные документы оформляются задним числом либо вообще не оформляются. Даже после официального выявления нарушения и составления протоколов незаконное строительство в абсолютном большинстве случаев не останавливается, так как «деньги уже вложены» и объект (лес) уже уничтожен. Данная практика широко распространена по всей стране [23, с. 139]. Так, по данным НИИ Генеральной прокуратуры России [16, с. 114], только в сентябре – октябре 2003 г. в 25 субъектах Российской Федерации и в МПР России были выявлены многочисленные нарушения законодательства, регулирующего организацию, управление и защиту особо охраняемых природных территорий. Прокуратурой Сахалинской области, например, выявлены факты принятия губернатором незаконных постановлений, которыми вносились изменения в положения об охранных зонах заповедников «Поронайский» и «Курильский». Проверка деятельности МПР России и Минсельхоза России и их территориальных органов выявила случаи возведения жилых и других объектов самими администрациями особо охраняемых природных территорий либо с их разрешения в национальных парках «Самарская Лука», «Смоленское приозерье», «Плещеево озеро», «Дарвиновский государственный природный заповедник».

Поставив на профессиональную основу незаконную экологическую деятельность в одной стране, преступники расширяют ее, выводя за пределы государства. Так, в феврале 2003 г. тихоокеанским пограничникам пришлось стрелять на поражение, чтобы остановить судно-браконьер – сейнер ЧТК-01 (паспорт приписки Холмск, ООО «Рыбак Пуира»). Судно-нарушитель было остановлено. На его борту обнаружено 12 т краба, добытого без разрешения. Сейнер ЧТК-01 только в 2002 г. дважды задерживался за незаконный промысел краба, причинив природной среде Российской Федерации ущерб на сумму свыше 429 тыс. руб. [22, с. 13]. Сегодня экологические преступления – это большой бизнес.

Для постоянных бригад (а фактически нелегальных фирм), работающих в «сфере экологической преступности», характерна хорошая организация труда и обычно хорошие связи в органах власти разных уровней. Мно-

гие из этих бригад находятся под криминальной «крышей» либо являются весьма прибыльной частью мафиозных группировок.

По мнению специалистов, латентность в данной сфере составляет почти 100 %. Эти обстоятельства заставляют говорить уже не об отдельных фактах нарушений, а об экологической преступности как явлении, что приводит к самым тяжким последствиям. В связи с вышеизложенным, борьба с данным видом преступности, и главным образом с ее организованными и профессиональными формами, приобретает особое значение.

Новые факторы. Изменения федерального законодательства (принятие новых редакций Лесного и Водного кодексов) предоставляют легитимированные возможности обхода многих экологических требований.

Сошлемся на мнение Х.-Й. Альбрехта, который считает, что рынки опасных отходов, незаконно добытой древесины, рыбной продукции и/или находящихся под угрозой исчезновения видов предполагают участие ведущих легальную деятельность субъектов в качестве поставщика и/или получателя, производителя и в конце концов юридического лица. Для черного рынка, существующего в условиях регулируемого потребления и охраны окружающей среды, необходимо сочетание правовых форм хозяйственной деятельности, легального сбыта и нелегальных поставок. Однако основные игроки этих рынков неизменны в точках спроса и предложения. Эти игроки представляют собой компании и корпорации, производящие большое количество опасных отходов или активно утилизирующие опасные отходы и отходы, на которые распространяются особые правила обращения с ними. В случае с находящимися под угрозой видами, участниками являются институты традиционной (азиатской) медицины (аптекари и лекари), а также коммерческие предприятия или научные центры, такие как зоопарки или лаборатории [25, Р. 73, 104].

Подводя итог, он отмечает: очевидно, что оценить присущие организованной экологической преступности качественные и количественные характеристики непросто. Для этого необходимо использовать такие индикаторы, как роль некоторых организаций в теневой экономике или на черном рынке, обороты и доходность, возможность ведения сложных видов деятельности и т. д. Таким образом, индикаторы следует использовать для оценки незаконного оборота, роли некоторых организаций или сетей на рынке и т. д. В частности, анализ рынков должен включать оценку потенциального возможных оборота и доходности на таких рынках, оценку объема производимых товаров и услуг, а также оценку рисков, связанных с этой деятельностью для граждан и сообществ (в широком смысле). Соответственно, необходимо уделять внимание перспективам незаконного оборота, который подвержен влиянию колебаний конъюнктуры спроса (или технологий). Более того, на обстановку в государстве могут оказывать влияние процессы, происходящие в странах-получателях, странах происхождения или транзита поставляемых товаров или оказываемых услуг [25, Р. 94].

Из приведенных – пусть и ограниченных данных – следует сделать вывод: усиление коррупционности экологического противоправного поведения и увеличение доли организованных преступных групп, безусловно, требует принятия дополнительных мер. Это очень опасные тенденции, которые (насколько можно судить по всем первичным материалам) уже приобрели *стабильный и устойчивый* характер.

Кроме того, приведенные соображения и данные свидетельствуют об укреплении, развитии транснациональных преступных связей (сетей) и росте доходности от экологической коррупционной и/или организованной преступности. Это, на наш взгляд, наиболее опасная тенденция, проявляющаяся в современный период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агентство РИА Новости. – 2009. – 16 янв. – URL: <http://www.lenta.ru/news/2009/01/16/close/>
2. Акутаев Р.М., Магомедов М.А. О некоторых аспектах борьбы с браконьерством // Государство и право. – 2002. – № 2.
3. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2007 году». – М. : МПР РФ, 2008.

4. Директива Европейского Парламента и Совета от 19 ноября 2008 г. «Об охране окружающей среды уголовным правом». — Доступ из СПС «Консультант Плюс».
5. Дубовик О.Л. Анализ состояния экологической преступности и правонарушаемости // *Аграрное и земельное право*. — 2006. — № 5.
6. Дубовик О.Л. Коррупция в сфере лицензирования природопользования и регистрации воздействий на окружающую среду // *Организованная преступность, терроризм и коррупция : криминологический ежеквартальный альманах*. — М. : Юристъ, 2003. — Вып. 1.
7. Дубовик О.Л. Незаконная торговля окружающей средой — новая разновидность коррупционной преступности // *Экономическая преступность : сб. науч. ст. / под ред. В.В. Лунеева, В.И. Борисова*. — М. : Юристъ, 2002.
8. Дубовик О.Л. Новые решения Европейского союза в сфере борьбы с экологической преступностью // *Право и политика*. — 2009. — № 5.
9. Дубовик О.Л. Уголовно-правовая охрана окружающей среды: история развития, задачи и перспективы (влияние идей В.В. Петрова на формирование и реализацию) // *Экологическое право*. — 2009. — № 2/3.
10. Дубовик О.Л., Жалинский А.Э. Причины экологических преступлений. — М. : Наука, 1998.
11. Жевлаков Э., Суслова Н. Экологическая преступность в Российской Федерации в 1990—2000 гг. // *Уголовное право*. — 2000. — № 3.
12. Иванова А.Л. Возмещение экологического вреда: сравнительно-правовой анализ европейского, немецкого и российского права : дис. ... канд. юрид. наук. — М. : ИГП РАН, 2006.
13. Информация радиостанции «Эхо Москвы». — 2009. — 15 янв. — URL: <http://www.echo.msk.ru/news/566197-echo.html>
14. Клетнева Е.Г. Профессионализация экологической преступности // *Вестник ТИСБИ*. — 2004. — № 4.
15. Князев М.А. Российское государство как субъект возмещения экологического и экогенного вреда : дис. ... канд. юрид. наук. — М. : ИГП РАН, 2009.
16. Королева М. Роль органов прокуратуры в обеспечении экологического благополучия населения РФ в 2002—2003 годах // *Уголовное право*. — 2004. — № 2.
17. Котлобай А. Нелегальный оборот древесины — реальная угроза существованию дальневосточных лесов. — Владивосток, 2002.
18. Крашенинников Д.А. Последствия экологических преступлений / отв. ред. А.И. Чучаев. — Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2007.
19. Мисник Г.А. Возмещение экологического вреда в российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М. : ИГП РАН, 2008.
20. Независимая газета. — 2004. — 16 февр.
21. Пан Дунмэй. Противодействие преступлениям, совершаемым гражданами КНР на территории российского Дальнего Востока : монография. — Владивосток : Дальневосточный государственный университет, 2008.
22. Родина Е.А. Проблемы расследования контрабанды биологических ресурсов и отдельных предметов : дис. ... канд. юрид. наук. — Владивосток, 2003.
23. Сулейманов А.Л. Предупреждение организованной экологической преступности // *Преступность в разных ее проявлениях и организованная преступность : сборник*. — М., 2004.
24. Тангиев Б.Б. Криминология. Контроль и противодействие экологической преступности. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006.
25. Albrecht X.-J. The Extent of Organized Environmental Crime. A European Perspective // *Environmental Crime in Europe*. — Groningen : Europa Law Publishing, 2003.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATED)

1. Agentstvo RIA Novosti. — 2009. — 16 yanv. — URL: <http://www.lenta.ru/news/2009/01/16/close/>
2. Akutaev R.M., Magomedov M.A. O nekotorykh aspektakh bor'by s brakon'erstvom // *Gosudarstvo i pravo*. — 2002. — № 2.
3. Gosudarstvennyy doklad «O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushshey sredy v Rossiyskoy Federatsii v 2007 godu». — М. : МРР РФ, 2008.
4. Direktiva Evropeyskogo Parlamenta i Soveta ot 19 noyabrya 2008 g. «Ob okhrane okruzhayushshey sredy ugolovnym pravom». — Dostup iz SPS «Konsul'tant Plyus».

5. *Dubovik O.L.* Analiz sostoyaniya ekologicheskoy prestupnosti i pravonarushaemosti // Agrarnoe i zemel'noe pravo. — 2006. — № 5.
6. *Dubovik O.L.* Korruptsiya v sfere litsenzirovaniya prirodopol'zovaniya i registratsii vozdelyvaniy na okruzhayushchuyu sredu // Organizovannaya prestupnost', terrorizm i korruptsiya : kriminologicheskii ezhekvartal'nyy al'manakh. — M. : Yurist', 2003.
7. *Dubovik O.L.* Nezakonnaya trgovlya okruzhayushchey sredoy - novaya raznovidnost' korruptsionnoy prestupnosti // Ekonomicheskaya prestupnost' : sb. nauch. st. / pod red. V.V. Luneeva, V.I. Borisova. — M. : Yurist', 2002.
8. *Dubovik O.L.* Novye resheniya Evropeyskogo soyuza v sfere bor'by s ekologicheskoy prestupnost'yu // Pravo i politika. — 2009. — № 5.
9. *Dubovik O.L.* Ugolovno-pravovaya okhrana okruzhayushchey sredy: istoriya razvitiya, zadachi i perspektivy (vliyaniye idey V.V. Petrova na formirovaniye i realizatsiyu) // Ekologicheskoe pravo. — 2009. — № 2/3.
10. *Dubovik O.L., Zhalinskiy A.E.* Prichiny ekologicheskikh prestupleniy. — M. : Nauka, 1998.
11. *Zhevlakov E., Suslova N.* Ekologicheskaya prestupnost' v Rossiyskoy Federatsii v 1990-2000 gg. // Ugolovnoe pravo. — 2000. — № 3.
12. *Ivanova A.L.* Vozmeshsheniye ekologicheskogo vreda: sravnitel'no-pravovoy analiz evropeyskogo, nemetskogo i rossiyskogo prava : dis. ... kand. yurid. nauk. — M. : IGP RAN, 2006.
13. Informatsiya radiostantsii «Ekho Moskvy». — 2009. — 15 Jan. — URL: <http://www.echo.msk.ru/news/566197-echo.html>
14. *Kletneva E.G.* Professionalizatsiya ekologicheskoy prestupnosti // Vestnik TISBI. — 2004. — № 4.
15. *Knyazev M.A.* Rossiyskoe gosudarstvo kak sub'ekt vozmeshsheniya ekologicheskogo i ekogennogo vreda : dis. ... kand. yurid. nauk. — M. : IGP RAN, 2009.
16. *Koroleva M.* Rol' organov prokuratury v obespechenii ekologicheskogo blagopoluchiya naseleniya RF v 2002-2003 godakh // Ugolovnoe pravo. — 2004. — № 2.
17. *Kotlobay A.* Nelegal'nyy oborot drevesiny - real'naya ugroza sushchestvovaniyu dal'nevostochnykh lesov. — Vladivostok, 2002.
18. *Krashenninnikov D.A.* Posledstviya ekologicheskikh prestupleniy / otv. red. A.I. Chuchaev. — Ul'yankovsk : Izd-vo UIGU, 2007.
19. *Misnik G.A.* Vozmeshsheniye ekologicheskogo vreda v rossiyskom prave : dis. ... d-ra yurid. nauk. — M. : IGP RAN, 2008.
20. Nezavisimaya gazeta. — 2004. — 16 Febr.
21. *Pan Dunmey.* Protivodeystvie prestupleniyam, sovershaemym grazhdanami KNR na territorii rossiyskogo Dal'nego Vostoka : monografiya. — Vladivostok : Dal'nevostochnyy gosudarstvennyy universitet, 2008.
22. *Rodina E.A.* Problemy rassledovaniya kontrabandy biologicheskikh resursov i otdel'nykh predmetov : dis. ... kand. yurid. nauk. — Vladivostok, 2003.
23. *Suleymanov A.L.* Preduprezhdeniye organizovannoy ekologicheskoy prestupnosti // Prestupnost' v raznykh ee proyavleniyakh i organizovannaya prestupnost' : sbornik. — M., 2004.
24. *Tangiev B.B.* Kriminologiya. Kontrol' i protivodeystvie ekologicheskoy prestupnosti. — SPb. : Yurid. tsentr Press, 2006.
25. *Albrecht X.-J.* The Extent of Organized Environmental Crime. A European Perspective // Environmental Crime in Europe. — Groningen : Europa Law Publishing, 2003.

Информация об авторе

Дубовик Ольга Леонидовна (Москва) — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора эколого-правовых исследований. Институт государства и права РАН (119991, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10, e-mail: igpran@igpran.ru)

Information about the author

Dubovik, Olga Leonidovna (Moscow) — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Sector of Eco-Law Studies. Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences (10, Znamenka str., Moscow, 119991, e-mail: igpran@igpran.ru)